

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 821.161

КОНЦЕПТ «КРЫМ» В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Зябрева Г. А.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», Симферополь,
Россия
E-mail: a.ischin@yandex.ua

В статье решается проблема функционирования ойконима «Крым» в творческом наследии Ф. М. Достоевского. Материалом изучения послужили сорок четыре упоминания о Крыме, выявленные автором публикации в публицистике, эпистолярной, романистике писателя разных лет. Анализ этих упоминаний позволяет заключить, что топонимическое определение «Крым» выполняет у Ф. М. Достоевского роль концепта, то есть такой единицы творческого мышления классика, которая концентрирует в себе объёмное социально-историческое содержание, спрессованное до одной лексемы (имени собственного), обладающей, однако, значительным ассоциативным и символическим потенциалом. Установлено, что ойконим «Крым» делает концептом закреплённость за ним строго определённого смысла, способного обогащаться, но не меняться принципиально, а также высокая частотность употребления классиком в поле художественных и нехудожественных ретрансляций разной жанрово-родовой природы.

Ключевые слова: Достоевский, Крым, Восточная война, концепт, творчество.

ВВЕДЕНИЕ

Одно из ключевых направлений современного литературоведения связано с изучением концептосферы русской классики. Причина понятна. Будучи мыслеобразом, то есть феноменом, двуединым по своей эстетической природе и обладая свойством в емких границах слова или словосочетания концентрировать значительное содержание, концепт выводит исследователя к самым основам представлений писателя о человеке и мире в целом.

Концепты словесного искусства, по мнению тех ученых, кто признает их существование (С. Аскольдов, Т. Васильева, Н. Володина, В. Зусман, И. Тарасова и др.), делятся на общелитературные и индивидуально-авторские. Последние могут пополнять разряд общелитературных, но при этом всегда сохраняют оригинальные смысловые повороты и обертоны, отражающие специфику творческого сознания того или иного мастера, его аксиологические и поэтологические предпочтения.

К числу наиболее успешных создателей мировоззренчески «заряженных» мыслеобразов, без всякого сомнения, принадлежит и Ф. М. Достоевский. Вот почему к его концепт-системе, построенной на диалектически подвижной иерархии взаимосвязанных единиц, в последнее время приковано активное внимание филологической науки. Анализу подвергнуты такие концепты Достоевского, как «гармония» (Т. Касаткина), «воздаяние» (М. Виролайнен), «время» (А. Серопян), «мысль» (Е. Федотова), «идиот» (Е. Бодалова), «падшая женщина» (Н. Зимина), «бесы» (Н. Истомина) и мн. др. Усилиями крымской литературоведческой школы выявлены и охарактеризованы базисные константы сознания автора: «живая жизнь» (М. Кустовская), «подполье» (Ю. Романов), «беспорядок», «богатырство», «странничество» (С. Капустина).

К сожалению, литературоведами пока не обозначена, хотя и почувствована одна из закономерностей концептотворчества Достоевского, а именно: способность выражать концепт посредством имен собственных – антропонимов и топонимов. Достоевистами установлена высокая символическая значимость онимов «Петр» и «София», «Раскольников» и «Карамазовы», с одной стороны, «Россия» и «Европа», «Сибирь» и «Америка», с другой. Но хотя все эти именованья, по общему заключению, содержат серьезный объем информации, спрессованный до отдельной лексемы, обладающей, однако, широким ассоциативным полем, они пока не получили достаточного истолкования в качестве концептов. Обойден вниманием в этом плане и ойконим «Крым», непосредственно связанный с важнейшими историософскими, социально-психологическими и национально-историческими воззрениями писателя. Именно поэтому анализ его оказывается насущно необходимым для отечественной науки.

Как известно, единой методики изучения концептов в гуманитаристике пока не выработано. Учеными апробируются лингвокультурологический (В. Карасик, Г. Слышкин, С. Воркачев и др.), семантико-когнитивный (З. Попова, И. Стернин, А. Бабушкин и др.), собственно культурологический (Ю. Степанов, С. Проскурин, А. Григорьев) подходы к этому феномену, включающие ряд сходных «операций» в процессе его выделения и описания. Опорным для нас стал *анализ* социально-

исторических и биографических факторов, повлиявших на генезис и смысловую эволюцию концепта, освоение сферы его бытования и принципов творческого воплощения. Применение этой методики в ходе интерпретации сорока четырех контекстуальных упоминаний о Крыме, обнаруженных нами у Ф.М. Достоевского, приводит к следующим результатам.

Первое. Крым в восприятии Ф.М. Достоевского является традиционным местом отдыха обеспеченных русских людей, в том числе интеллигенции. Об этом свидетельствуют эпистолярный писателя (1846, 1872–1873 гг.) и его повесть «Кроткая» (1876).

Второе. Полуостров, по Ф.М. Достоевскому, представляет собой благодатный объект для художественного изображения, в частности, средствами живописи и словесности. В первом случае имеются в виду полотна И. К. Айвазовского, во втором – литературные тексты «времен очаковских и покоренья Крыма», позитивно оцененные Достоевским, но упомянутые им без названий и авторства. При этом следует отметить, что образ Крыма как объект и стимул результативной художественной рефлексии подается дифференцированно: как образ Евпатории, Партенита, Севастополя. Сказанное подтверждают статьи и заметки писателя 1861–1876 гг.

Третье – и самое главное. Концепт «Крым» знаменует пространство ратной славы России на ее южных рубежах. При этом он вполне закономерно ложится в основу текста Крымской войны, сопоставляясь у Достоевского с концептом «Севастополь» и образуя с ним полное смысловое тождество. Доказательство этим наблюдениям находим в публицистике «Дневника писателя» (1876–1877) и в текстах всех великих романов Ф. М. Достоевского, за исключением «Братьев Карамазовых».

Наибольшая частотность использования Ф. М. Достоевским концепта «Крым» в военном дискурсе обязывает исследователя в первую очередь обратиться к данной области его творческой реализации. Это и составляет *цель* настоящей публикации.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Внимание к крымской военной тематике зарождается у Ф.М. Достоевского в период, когда он отбывает каторгу и солдатчину в Сибири. Освободившись из Омского острога (январь 1854), писатель получает возможность знакомиться с газетной и журнальной периодикой, касающейся перипетий Восточной войны 1853–1856 гг., на основании чего формирует собственное представление о ней. Это представление во многом совпадает с официальной позицией властей и – одновременно – в полной мере отражает чувства русского народа по отношению к противнику.

Ф. М. Достоевский пишет три стихотворения «На европейские события в 1854 году» (1854), «На 1 июля 1855 года» (1855) и «Умолкла грозная война <На коронацию и заключение мира>» (1856). Ни в одном из этих стихотворений Крым прямо не упомянут, но его опосредованное присутствие как арены конфликта Запада с Востоком ощущается в подтексте, обнаруживается ассоциативно. Автор оценивает войну как момент полного обнажения противоречий между Россией и Европой по вопросу о Балканах и Турции, как событие предательства католиками собратьев по Христианской вере, и – вместе с тем – как возможность родной страны, проявив всю силу своего героизма и самопожертвования, стать освободительницей и духовной охормительницей единоверных народов. Эти представления явятся определяющими для развития мыслеобраза «Крым» в последующих раздумьях Ф. М. Достоевского. С данным концептом, в частности, будет связана мысль о ключевых особенностях русского характера, о подлинных ценностях национального бытия, о судьбе и назначении России.

На страницах «Дневника писателя» Ф. М. Достоевский будет размышлять о том, что во время войны русские проявили не только чудеса самоотверженности, но и истинно христианской любви по отношению к вражескому воинству. Так, например, в статье «Из книги предсказаний Иоанна Лихтенбергера, 1528 года», помещенной в номере за май-июнь 1877 года, Ф.М. Достоевский напишет: «Этот народ, эти солдаты, взятые из народа, не знающего хорошенько молитв, подымали, однако же,

в Крыму, под Севастополем, раненых французов и уносили их на перевязку прежде, чем своих русских: “Те пусть полежат и подождут; русского-то всякий подымет, а французик-то чужой, его наперед пожалеть надо”. Разве тут не Христос, и разве не Христов дух в этих простодушных и великодушных, шутливо сказанных словах? Итак, разве не дух Христов в народе нашем – темном, но добром, невежественном, но не варварском. Да, Христос его сила, наша русская <...> сила ...» [т. 25, с. 123].

С точки зрения Ф. М. Достоевского, демонстрация готовности русского человека жертвовать жизнью за Отечество, до последнего дыхания защищать свои святыни, была совершенно лишена фанатизма и ненависти к противнику. Наоборот, Крымская война обнаружила присущую согражданам жажду братства и согласия со всем христианским миром. В апрельском номере «Дневника писателя» за 1876 год в статье «Парадоксалист» Ф.М. Достоевский вопрошал: «Вспомните, ненавидели ли мы французов и англичан во время Крымской кампании? Напротив, как будто ближе сошлись с ними, как будто породнились даже. Мы интересовались их мнением об нашей храбрости, ласкали их пленных; наши солдаты и офицеры выходили на аванпосты во время перемирий и чуть не обнимались с врагами, даже пили водку вместе. Россия читала про это с наслаждением в газетах, что не мешало, однако же, великолепно драться. Развивался рыцарский дух...» [т. 22, с. 125].

Примечательно, что дух этот был неистребим даже у тех, кто по воле Государя-Императора оказался отлученным от нормальной жизни. Об этом Ф. М. Достоевский заявлял письме к А. Н. Майкову от 9 (21) октября 1870 года: «Я вон как-то зимою прочел в “Голосе» серьезное признание в передовой статье, что “мы, дескать, радовались в Крымскую кампанию успехам оружия союзников и поражению наших”. Нет, мой либерализм не доходил до этого; я был тогда еще в каторге и не радовался успеху союзников, а вместе с прочими товарищами моими, несчастенькими и солдатиками, ощутил себя русским, желал успеха оружию русскому и – хоть и оставался еще тогда все еще с сильной закваской шелудивого русского либерализма, <...> – но не считал себя нелогичным, ощущая себя русским» [т. 29, ч. I, с. 125].

Как видим, в приведенных примерах концепт «Крым» коррелирует с именованиями «Крымская война» или «Крымская кампания», а также с концептами

«героизм», «жертвенность», «дух Христов». Полным синонимом концепта «Крым» в рассуждениях Ф. М. Достоевского о войне 1853–1856 гг. выступает концепт «Севастополь». В ряде своих публикаций писатель упоминает перипетии обороны города, о которой размышляет также и в связи с личностью Эдуарда Ивановича Тотлебена. В послании А.Е. Врангелю из Семипалатинска от 23 марта 1856 года генерал Тотлебен аттестован «настоящим героем севастопольским, достойным имен Нахимова и Корнилова» [т. 28, ч. I, с. 215]. В письме от 24 марта того же года, адресованном к самому Э.И. Тотлебену, открыто и восторженно выражается горячая «благодарность русского к тому, кто в эпоху несчастья покрыл грозную оборону Севастополя вечной, неувыдаемой славой» [т. 28, ч. I, с. 226].

Даже через 21 год раздумья о защите Севастополя неизменно соотносятся у Ф. М. Достоевского с восхищением гением Э. И. Тотлебена. В статье «Старое всегдашнее военное правило», помещенной в «Дневнике писателя» за октябрь 1877 года, Достоевский писал: «Тотлебен <...> наверно знал, что Севастополь все-таки возьмут наконец, и не могут не взять, как бы он ни защищал его. Но союзники уже наверно не знали и не предполагали, начиная осаду, что Севастополь потребует от них таких напряжений силы. Напротив, вероятно, полагали, что Севастополь займет их месяца на два и войдет лишь как мимоходный эпизод в обширный план тех бесчисленных ударов, которые они готовились нанести России и кроме взятия Севастополя. И вот именно Севастополь-то и сослужил службу неприступной твердыни, хотя и был взят под конец. Долгой, неожиданной для них гениальной защитой Тотлебена силы союзников, военные и финансовые, был истощены и потрясены до того, что по взятии Севастополя о дальнейших ударах нечего было и думать, и враги наши желали мира по крайней мере не менее нашего! А такие ли условия мира предложили бы они нам, если бы удалось им взять Севастополь через два месяца!» [т. 26, с. 36].

Выжидательная тактика иноземцев при осаде Севастополя иронически упоминается в романе «Преступление и наказание» (1866) следователем Порфирием Петровичем. Он дает понять, что якобы «правильная», а на деле провальная военная стратегия не способна привести к настоящему успеху [т. 6, с. 261].

Рассуждения писателя об итогах Крымской войны укладываются в ту систему координат, которая свойственна и его современникам, и даже сегодняшней исторической науке. Ф. М. Достоевский, искренне желавший победы русскому оружию в период, когда отбывал наказание, спустя десять лет с определенным «удовлетворением» пишет о поражении России. Однако в этом «удовлетворении» нет парадокса, потому что логика Ф. М. Достоевского обусловлена его истинно патриотическими чувствами. В главе «Нечто о политических вопросах» (апрельский 1876 года выпуск «Дневника писателя») находим следующий пассаж: «Я убежден, что самая страшная беда сразила бы Россию, если б мы победили, например, в Крымскую кампанию и вообще одержали бы тогда верх над союзниками! Увидав, что мы так сильны, все в Европе восстали бы на нас тотчас же, с фантастическою ненавистью. Они подписали бы, конечно, невыгодный для себя мир, если б были побеждены, но никогда никакой мир не мог бы состояться на самом деле. Они тотчас же бы стали готовиться к новой войне, имеющей целью уже истребление России, и, главное, за них стал бы весь свет. <...> Но нас тогда сберегла судьба, доставив перевес союзникам, а вместе с тем и сохранив всю нашу военную честь и даже возвеличив ее, так, что поражение еще можно было перенести. Одним словом, поражение мы перенесли, но бремя победы над Европой ни за что бы не перенесли, несмотря на всю нашу живучесть и силу» [т. 22, с. 221].

Так, может, следовало бы для окончательного «замирения» с иноземцами уступить им Крым? Ф. М. Достоевский, разумеется, не предлагает, да и не мыслит ничего подобного. Напротив, чтобы сберечь полуостров, он призывает власти пойти на какие угодно жертвы. В «Дневнике писателя» за июль–август 1876 года, хотя и вне связи с войной, в главе «Выезд за границу. Нечто о русских в вагонах» звучит мысль: «Вообще, если б переселение русских в Крым <...> потребовало бы и чрезвычайных каких-нибудь затрат от государства, то на такие затраты, кажется, очень можно и чрезвычайно было бы выгодно решиться» [т. 23, с. 55]. Таким образом, мы видим, что Крым и Севастополь воспринимаются Ф. М. Достоевским как подлинная граница Русского мира, а вхождение Крыма в состав Российской державы и его оборона в период Восточной войны трактуются как хронологический рубеж между уходящей,

изжитой, и новой, судьбоносной для страны, эпохой. Отсюда же берет начало мысль Ф. М. Достоевского, что война за Христову правду дает подлинный импульс развитию народов, является катализатором их социального, нравственного, духовного самоопределения.

В художественном творчестве Ф. М. Достоевского участие в защите Крыма того или иного персонажа становится критерием его гражданской и человеческой значительности. Этот критерий предельно четко обозначен в романах: «Идиот» (1868), «Бесы» (1870), «Подросток» (1875). Так, обращение к концептам «Крым» и «Севастополь» в книге о «положительно прекрасном человеке» постоянно «окрашивает» речи генерала Иволгина. Напомним, что этот опустившийся человек, смешной и изолгавшийся, отчаянно стремится сохранить остатки чести и изыскивает эту возможность в воспоминаниях о прошлом. Он создает и распространяет миф о том, как в осажденном Севастополе был ранен тринадцатью пулями и стал любимейшим пациентом не только знаменитого хирурга Пирогова, практиковавшего в Русской армии, но даже и парижского гофмедика Нелатона, который выхлопотал в осажденный лагерь «свободный пропуск во имя науки» и спасения отважного героя [т. 8, с. 108].

В романе «Бесы» концепт «Севастополь» постоянно возникает в речах пьяницы и скандалиста Игната Лебядкина. Он сочиняет пошлые любовные стишки, обращенные к Лизе Тушиной, где, однако, с некоторым уважением упоминается «русская Троя»: «Любви пылающей граната / Лопнула в груди Игната. / И вновь заплакал горькой мукой / По Севастополю безрукий» [т. 10, с. 95]. Далее Лебядкин поясняет: «Всех более жалею себя, что в Севастополе не лишился руки для славы, не быв там вовсе, а служил всю кампанию по сдаче подлого провианта, считая низостью» [т. 10, с. 106]. Даже этот бессовестный трус и провокатор лелеет в недрах души мечту о высокой доле защитника города.

Не удалось поучаствовать в обороне полуострова и «генерал-лейтенанту Ставрогину, старцу легкомысленному, скончавшемуся от расстройства в желудке, по дороге в Крым, куда он спешил по назначению в действующую армию» [т. 10, с. 17]. Зато удостоился смерти на поле брани супруг книгоноши Софьи Матвеевны

Улитиной, в мирное время распространяющей Евангелие. «Сраженный в Севастополе пулей» [т. 10, с. 494], он оставил жену восемнадцатилетней вдовой, а она по своему сердоболию должна служить там «в сестрах» [т. 10, с. 488].

Не допущен автором к боевым действиям и герой «Подростка», русский скиталец, неординарный человек, истинный дворянин Андрей Петрович Версилов. Хотя он «в войну с Европой поступил опять на военную службу, но в Крым не попал и все время в деле не был» [т. 13, с. 65].

Комплекс идей, определивших наполнение близких по смыслу концептов «Крым», «Севастополь», «Крымская война», получил реализацию не только в собственном творчестве Ф. М. Достоевского, но и в его редакторской практике. Во время руководства известным и популярным журналом «Гражданин» (декабрь 1872 – апрель 1874) Ф. М. Достоевский напечатал два материала, имеющих непосредственное отношение к рассматриваемой проблематике. Первый материал принадлежал перу врача Н. И. Соловьева, написавшего большую статью «Севастопольские подвижницы» (1874, № 2) о сестрах милосердия, спасавших русских воинов в осажденном городе. Эта статья бросает ответ на деятельность не только реальных исторических лиц, но и на судьбу упомянутой выше Софьи Матвеевны Улитиной, чья история в романе «Бесы» завершается еще одним подвижническим деянием, послужившим духовному воскрешению «нравственного инвалида» Степана Трофимовича Верховенского. Бескорыстно ухаживая за смертельно больным старцем, героиня обнаруживает такую силу любви, терпения, смиренномудрия, что они открывают закоренелому атеисту сущность Божией благодати и путь в вечную жизнь.

Вторая статья в «Гражданине», названная «Севастопольские обеды» (1874, № 8), насколько нам известно, до сих пор не атрибутирована. Она посвящена ежегодному ритуалу поминовения героев Севастопольской обороны и пронизана глубочайшим, даже трепетным уважением к ним. Таким образом, в этих публикациях возникают еще два концепта, связанные с мыслеобразом «Крым». Это концепты «память» и «любовь», знаменующие благодарность потомков тем, кто отстоял крещальную купель Отечества и одновременно подлинный форпост Русского мира. Полагаем,

аналогии с нашей современностью в полной мере *актуализируют* и идеи Ф. М. Достоевского, и обращение к ним.

ВЫВОДЫ

Итак, ойконим «Крым» функционирует в творчестве классика в качестве мыслеобраза, имя-репрезентант которого совпадает с названием нашего полуострова.

Концептом данный ойконим делает, во-первых, высокая частотность его использования; во-вторых, широкий – хронологически и контекстуально – ареал применения; в-третьих, закреплённость за ним строго определённого символического значения, способного обогащаться, но не меняться принципиально.

Смысловое ядро концепта отражает эмоционально окрашенное отношение автора к Крыму как к прекрасному краю, ставшему, однако, ареной противоборства объединённого Запада с православным Востоком. Приядерную зону концепта формирует взгляд на войну как событие, хотя и разрушающее природную гармонию, но одновременно выявляющее лучшие ментальные качества русского человека. Периферийный, но ценностно значимый слой концепта базируется на идее защиты Крыма как важном индикаторе нравственного достоинства личности и народа.

В военном дискурсе Ф. М. Достоевского мыслеобразы «Крым», «Севастополь», отчасти «Крымская кампания» соположны друг другу и играют главенствующую роль по отношению к концептам «братство», «подвижничество», «любовь», «память» и т. п. Но в общих границах концептосферы писателя эта взаимосвязь может изменяться, определяясь диалектикой авторского сознания.

Список литературы

1. Достоевский Ф. М. Пол. собр. соч.: В 30-ти т. / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1972–1990.
2. Концепт: грани понятия в современной науке: коллективная монография. – Вып. II. – Ногинск: Аналитика Родис, 2015. – 148 с.

3. Понятие «концепт», его сущность, границы и целесообразность применения при анализе художественного произведения: стенограмма заседания филолого-методологического семинара «Третье литературоведение» // Третье литературоведение. Материалы филолого-методологического семинара (2007–2008) / Под ред. Б. В. Орехова и С. С. Шаулова. – Уфа: Вигант, 2009. – С. 79–96.

References

1. Dostoevskii F. M. *Polnoe Sobranie Sochinenii v 30-ti T.* [Full Composition of Writings in 30 Volumes]. Leningrad: Nauka Publ., 1972–1990.
2. *Kontsept: Grani Ponyatiya v Sovremennoi Nauke: Kollektivnaya Monografiya* [Concept. The Verge of Concept in Modern Science (a Collective Monograph)]. Noginsk: Analitika Rodis Publ., 2015, 148 p.
3. *Ponyatie «Kontsept», Ego Sushchnost, Granitsy i Tselesoobraznost Primeneniya Pri Analize Khudozhestvennogo Proizvedeniya: Stenogramma Zasedaniya Filologo-Metodologicheskogo Seminara «Trete Literaturovedenie»* [The Notion of "Concept", Its Essence, Boundaries and Expediency of Application in the Analysis of a Work of Art (Transcript of the Meeting of the Philological-Methodological Seminar "The Third Literary Criticism"]]. *Materialy filologo-metodologicheskogo seminara (2007–2008)*. Edit. B. V. Orekhova i S. S. Shaulova. Ufa: Vigant Publ., 2009, pp. 79–96.

THE CONCEPT OF *CRIMEA* IN THE CREATIVE CONSCIENCE OF DOSTOEVSKY

G. Zyabreva

Summary. The article deals with the problem of functioning of the oikonym *Crimea* in Dostoevsky's creative legacy. Forty-four conceptual references to *Crimea*, identified by the author in writer's journalism, epistolary, novelism of different years appeared to be the material of the study. The analysis of these references leads to the conclusion that the toponymic definition of *Crimea* serves as the concept. Such a unit of creative thinking of the classic, which concentrates an expansive socio-historical content, compressed to one token (proper name), which has, however, a significant associative and symbolic potential. The oikonym *Crimea* can be considered as a concept for the following reasons. Firstly, it's the strictly determined sense inherent this word, capable of enriching, but not changing fundamentally. Secondly, it's the high frequency of use in the field of artistic and non-artistic retranslations of different genre-generic nature.

Keywords: Dostoevsky, *Crimea*, Crimean War, concept, legacy.